

Алексей БЕРЕЛОВИЧ

Семидесятилетие XX века: реплика в дискуссии

Настоящая статья представляет собой ответ на статью Бориса Дубина, опубликованную в предыдущем номере журнала¹, — ответ, сначала данный в ходе устного обсуждения, а теперь обретший письменную форму.

Наш интерес к 70-м годам XX в. объясняется, как мне кажется, двумя причинами. Первая и самая очевидная — что многие исследователи и, в частности, люди моего поколения, были в 1970-е годы уже зрелыми людьми. Отсюда, кстати, одна из сложностей в описании этого периода: ученый в данном случае является также и очевидцем, а потому склонен принимать свои воспоминания о событиях, свои ощущения за точное отражение произошедшего; его мысли и чувства для него настолько важны и непреложны, что он с трудом соглашается сделать их предметом рефлексии, — ведь это означало бы усомниться в их точности. Сказанное в полной мере относится и к автору этих строк. Кстати, чтобы внести ясность и предупредить возможные вопросы и недоумения, следует сразу сказать, что, хотя автор данной статьи — французский исследователь, он провел в Советском Союзе достаточно времени, чтобы иметь право называть себя очевидцем советской жизни 1970-х годов.

Вторая причина интереса к эпохе 1970-х годов, причина более "научного" порядка, заключается в том, что эта эпоха, если рассматривать ее в широком смысле, т.е. включая и начало 1980-х годов, непосредственно предшествовала перестройке и, следовательно, крушению социалистической системы. Исследуя этот период, мы ищем в нем начало тех процессов, которые привели к развалу социалистического лагеря, а также те черты советской системы (как мы теперь знаем, обреченной на гибель), которые сохранились и при нынешней власти. Иначе говоря, специфический характер эпохи 1970-х годов (если она в самом деле была специфической, что само по себе достойно обсуждения) предрешил формы разрушения советской системы, ставшие, в свою очередь, той матрицей, из которой возникла нынешняя российская система.

Если не следовать периодизации, принятой в официальной историографии, согласно которой история Советского Союза делится на такие

этапы, как гражданская война, нэп, построение социализма, Великая Отечественная война, послевоенный период и пр., то, пользуясь знаниями, накопленными за прошедшие годы, можно историю советской системы разделить на два основных периода: период ее построения, который длился с 1917 г. до окончания эпохи сталинизма (ставшей, по-видимому, самым совершенным воплощением этой системы), и период медленной деградации этой системы, которая окончилась ее крушением в 1985 г. и, следовательно, существовала 35 лет, т.е. столько же, сколько шло ее построение (несколько перестроечных лет в данном случае можно в расчет не принимать).

Такая схема имеет немало преимуществ, самое очевидное из них заключается в том, что она дает возможность оперировать периодами более длительными и не совпадающими с правлением того или иного политического лидера. При рассмотрении же интересующей нас эпохи, которую можно назвать послесталинской, подобная периодизация позволяет подчеркнуть единство процессов, протекавших в стране после 1953 г., иначе говоря, тот факт, что, какие бы лозунги ни выдвигали руководители государства и какие бы взгляды они ни исповедовали, в стране происходило медленное расшатывание сложившейся системы, порой добровольное (например, отказ от массового террора), а порой — и гораздо чаще — невольное (например, возникновение и распространение инакомыслия). Однако такая периодизация ставит перед исследователем проблему, на которой необходимо остановиться подробнее.

Если рассматривать сталинизм как самое законченное воплощение советской системы (это, однако, на мой взгляд, отнюдь не означает, что его возникновение было фатально предрешено уже в 1917 г.), массовый террор следует считать одним из неотъемлемых компонентов системы, а его отмену — одной из причин, а возможно, и самой главной причиной ее конечного крушения. Если принять эту точку зрения, тогда 1970-е годы окажутся одной из фаз разложения советской системы, а их "нормальность" — не более чем иллюзией. Если же, руководствуясь более традиционными представлениями, мы будем видеть в сталинизме исключение, а в 1970-х годах, напротив, нормальное состояние советской системы, тогда мы окажемся перед необходимостью

¹ Дубин Б. Лицо эпохи. Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 3 (65). С. 25-32.

объяснить, отчего же эта "нормальная" советская система рухнула под тяжестью собственных противоречий, без всякого насилия извне. А отыскивая эти объяснения, мы приходим к выводу, что классическая советская система (сталинизм) "ненормальна", тогда как "нормальная" советская система (годы правления Л.Брежнева) — это система, находящаяся в состоянии распада. Иными словами, мы приходим к выводу, что советская система могла существовать, лишь постоянно прибегая к чрезвычайным мерам и объявляя всеобщую мобилизацию, попытка же начать "нормальную" (или, по выражению Анны Ахматовой, "вегетарианскую") жизнь оказалась для нее равносильна смерти.

Впрочем, эта схема не означает, что 1970-е годы не имели своих специфических черт и что само выделение их в качестве отдельного периода ничем не оправдано. Сегодня все очевидцы, даже расходясь в определении хронологических границ эпохи 1970-х годов¹, единодушно признают, что она обладала особой атмосферой. Самый простой способ описать 1970-е годы и определить их специфику, это назвать отличия этой эпохи от предшествующей — эпохи "оттепели", которая, впрочем, с одной стороны, принадлежит к тому же периоду распада советской системы, что и 1970-е годы, а с другой — так же, как и они, не имеет абсолютно четких и общепринятых хронологических рамок². Однако, если мы признаем 1970-е годы особым периодом со своими специфическими характеристиками и вслед за Борисом Дубиным воспользуемся уже имеющимися определениями этого периода, нам придется прибегнуть либо к официальному советскому понятию "развитой социализм", либо к принятым в западных исследованиях терминам "похолодание" или "подмораживание", либо, наконец, к возникшему в позднесоветскую или постсоветскую эпоху понятию "застой". Между тем все эти три варианта кажутся мне совершенно неподходящими, хотя и заслуживающими внимательного рассмотрения.

¹ См. упомянутую статью Б.Дубина в предыдущем номере "Мониторинга" или, например, сборник: Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К.Рогов. М.; Венеция, 1998.

² Если начало ее совершенно определенно датируется 1953–1954 гг. (хотя следует учитывать, что XX съезд партии состоялся в 1956 г.), то конец ее можно датировать 1964 г. (снятие Н.Хрущева), 1965–1966 гг. (арест и процесс А.Синявского—Ю.Даниэля) и даже 1968 г. (ввод войск в Чехословакию и полный крах надежд как русских, так и чехов на построение социализма с человеческим лицом). Большинство очевидцев предпочитают эту последнюю дату. Впрочем, на какой бы дате ни останавливаться, совершенно очевидно, что "шестидесятников" можно с таким же успехом называть и "пятидесятниками".

Начнем, дабы не нарушать иерархии, с "развитого социализма"¹. Часто и даже слишком часто употреблявшееся в устных и письменных выступлениях того времени, это новое понятие официальной идеологии набило оскомину как западным ученым-советологам, так и советским интеллигентам. И те и другие охотно иронизировали над ним (последние, разумеется, в частных беседах). В самом существовании этого термина чаще всего видели очередное проявление советского "сюрреализма", согласно которому желаемое принималось за действительное. Говоря совсем коротко, "развитой социализм" считался словесным эквивалентом потемкинской деревни. Между тем использование этого термина можно понять и по-другому. В нем можно увидеть отказ, разумеется, в форме, приспособленной к нормам официального дискурса и потому почти невнятной для большей части населения, от веры в коммунистическую утопию. Это становится очевидно, если сравнить 1970-е годы с предыдущим периодом, когда власти провозглашали построение коммунизма своей ближайшей целью (напомним, что XXII съезд Коммунистической партии принял специальную программу построения коммунизма) и даже предпринимали известные шаги, которые, по их утверждению, должны были привести к отмиранию государства (организация "товарищеских судов", народных дружин и пр.). Напротив, утверждая, что в стране построен развитый социализм, власти давали понять, что построение коммунизма больше не входит в повестку дня, что существующего социализма более чем достаточно и вместо того, чтобы обольщаться мечтами об утопии, следует разобраться с реальным положением дел (которое, заметим в скобках, было далеко не блестящим). Конечно, разговоры о построении коммунизма не прекратились полностью, однако в целом было очевидно, что этот внезапно возникший из небытия новый этап, добавившийся к традиционным пяти формациям, следует воспринимать как окончание пути. Таким образом, получалось, что главное уже сделано, что советский социализм, снабженный эпитетом "развитой", отличается от других, более молодых и, следовательно, не вполне законченных социализмов и нуждается лишь в мелких улучшениях. Отсюда логично сделать вывод, что именно в 1970-е годы,

¹ Термин этот употреблен Л.Брежневым 30 марта 1971 г. в докладе на XXIV съезде КПСС в следующем контексте: "...трудом советских людей построено развитое социалистическое общество..." (Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971). Впрочем, массовое распространение термин получил немного позже, где-то в 1973 г.

в период развитого социализма, советские власти заняли откровенно и полностью консервативную позицию. Именно в 1970-е годы создалась такая ситуация, которая надолго, во всяком случае вплоть до сегодняшнего времени, сделала практически невозможной выработку каких бы то ни было реформаторских проектов и планов на будущее.

Конечно, на все эти рассуждения можно возразить, напомнив, что нюансы официальной идеологии уже в то время интересовали очень ограниченный круг лиц, а сегодня вообще интересуют лишь тех извращенцев, которые берутся писать историю этой эпохи. Я, однако, с этим решительно не согласен. На мой взгляд, вся ситуация с понятием "развитой социализм" чрезвычайно важна, так как указывает на глубокие перемены в отношениях между властью и населением. А это заставляет нас остановиться подробнее на сути того "похолодания", которое пришло на смену хрущевской "оттепели".

Разумеется, я вовсе не собираюсь утверждать, что за термином "похолодание" не стоят конкретные факты: прекращение реабилитаций жертв сталинизма и даже запрещение публично упоминать сталинские репрессии, а особенно — лагеря; приостановка развития социальных наук, чистки среди историков и социологов; снятие запрета на восхваление Сталина; "оздоровление" редакции "Нового мира", не говоря уже о военном вторжении в Прагу, положившем конец "пражской весне", и пр., и пр. Однако, не отрицая всех этих фактов, можно, я убежден, привести столь же, если не более многочисленный перечень явлений, которые поставили бы тезис о "похолодании" под сомнение. Говоря коротко, я полагаю, что речь шла не столько об объективном регрессе, сколько о все возрастающем разрыве между надеждами и ожиданиями населения вообще и интеллигенции, в частности, с одной стороны, и тем, что предлагала, навязывала, допускала власть — с другой.

Возьмем самый яркий пример — судьбу диссидентского движения. Конечно, и здесь можно сослаться на усиление репрессий. Однако не стоит забывать, что подобное движение просто не могло бы возникнуть и существовать не только — это само собой разумеется — в сталинскую эпоху, но и при Н.Хрущеве. Для того чтобы в стране образовался крошечный участок, где могло бы зародиться и окрепнуть инакомыслие, требовалось ослабление (хотя бы относительное) репрессий, требовалась утрата хотя бы частью руководителей страны ощущения абсолютной безнаказанности и абсолютного всемогущества. Даже самая отвратительная сторона подавления

диссидентского движения, а именно, использование в этих целях психиатрии и заключение диссидентов в "психушки", свидетельствует парадоксальным образом о слабости власти, принужденной по разным причинам, из которых не последней было нежелание ссориться с Западом, теперь уже маскировать свои действия, не обнажать их реальной цели — политических репрессий. Не стоит и говорить, что ни при Н.Хрущеве, ни, разумеется, при И.Сталине, подобной щепетильности власти не отличались. А в брежневские времена они постоянно проявляли своеобразную "стыдливость", арестовывая участников политических демонстраций за нарушение общественного порядка и превращая политические дела в уголовные.

Если же рассмотреть ситуации, общие для обоих периодов, нетрудно убедиться: в том, что касается "идеологического фронта", 1970-е годы были во многих случаях эпохой гораздо более "либеральной", чем "оттепель". Возьмем, например, публикацию произведений за границей и сравним травлю Б.Пастернака после появления на Западе "Доктора Живаго" с относительно мягкой реакцией на выход за границей произведений В.Аксенова или Г.Владимова. Или другой пример из области литературы: если в 1956 г. выход романа В.Дудинцева "Не хлебом единым" вызвал настоящий скандал, его последующее переиздание осталось совершенно незамеченным, и это равнодушие весьма красноречиво свидетельствует о существенной эволюции умов.

Основное различие между двумя периодами заключается в том, что в эпоху "оттепели" марксизм (или марксизм-ленинизм) еще принимали всерьез. Отсюда возможность вполне серьезного обсуждения, например, азиатского способа производства или "многоукладности" русского общества. Если в 1960-е годы, условно говоря, о марксистской доктрине можно было спорить, правда, в течение очень короткого времени, и споры эти даже приветствовались, то запрещение их в последующую эпоху, равно как и окончание дискуссии между "демократами" из "Нового мира" и "сталинистами" из "Октября", создало у большинства городских интеллигентов ощущение, что из страны выкачали воздух, что в ней больше ничего не происходит и происходит не может, что какой бы то ни было интеллектуальной жизни пришел конец. Именно в этот момент родился знаменитый анекдот о том, что к двум традиционным вопросам, стоящим перед русской интеллигенцией, "Что делать?" и "Кто виноват" прибавился третий: "Какой счет?" Иными словами, единственными событиями, происходящими в стране, сделались футбольные

матчи. Говорить о политике стало едва ли не дурным тоном: о чем говорить, если "и так все ясно"? Именно эти годы, как мне кажется, сформировали некоторые элементы той интеллигентской вульгаты, которая сыграла столь роковую роль в годы реформ¹.

Это ощущение безнадежности, столь характерное для интеллигенции конца 1970-х и начала 1980-х годов, усиливалось убеждением, что история остановилась, что не только их собственное поколение, но и поколение их детей не увидит ничего иного, будет вечно жить при советской власти. Между прочим именно в этом убеждении следует искать объяснения некоторых поступков, которые сегодня, когда всем стало понятно, что советский режим был обречен и существовать ему оставалось всего несколько лет, кажутся совершенно необъяснимыми. Распространенная схема ("похолодание", пришедшее на смену "оттепели") не учитывает, по крайней мере, двух чрезвычайно существенных особенностей советской действительности 1970-х годов. Обе они тесно связаны с тем ослаблением роли официальной идеологии, о котором я уже упоминал выше.

Первая из этих особенностей заключается в том, что власть в это время в общем и целом отказывается от контроля за частной жизнью и мыслями индивидов: достаточно, чтобы они соблюдали нормы поведения в общественной жизни, а насколько искренне они это делают, никто не проверяет (если степень интериоризации общественных догм вообще можно проверить). Власти не допускают ни малейшего отступления от официальной идеологии в общественном пространстве; в определенном смысле они следят за этим гораздо строже, чем в эпоху "оттепели", поскольку те дискуссии между марксистами, которые были возможны тогда, теперь находятся под запретом. Однако в то же самое время власти закрывают глаза на неверие в эту идеологию и не карают за него при условии, что о нем не

¹ А именно, убеждение, что политика — "грязное дело" и все, кто ею занимается, или идиоты, или коррумпированные карьеристы; что все, кто стоит у власти, — выжившие из ума дряхлые старики; что советская реальность совершенно абсурдна и хуже нее ничего быть не может, а значит, достаточно уничтожить советскую власть, и страна начнет процветать, как она того заслуживает; что, следовательно, нет никакой необходимости обсуждать пути выхода из советской системы и строить какие бы то ни было планы... Зачем? Ведь "и так все ясно". Добавим, что убеждения эти вселяли в интеллигентов ощущение превосходства над остальными слоями населения. И именно это стало одной из причин неспособности интеллигенции выполнить стоявшие перед ней задачи в тот момент, когда проблема реформирования страны сделалась насущной и реальной.

говорят вслух. Иначе говоря, думать вы можете все, что вам угодно, — главное, чтобы вы не высказывали свои мысли публично. Проявить это легко на примере литературы: в 1970-е годы никто уже не заставляет писателей воспевать социалистический труд (хотя, разумеется, те, кто за это возьмется, будут вознаграждены), однако власти тщательно следят за тем, чтобы писатели не говорили — ни прямо, ни намеками — о темах запретных. А ведь между двумя этими ситуациями (быть вынужденным говорить или писать то, чего не думаешь, и не иметь возможности высказать то, что думаешь) разница очень велика.

Именно в частном пространстве, пользуясь относительной свободой, зарождаются формы социализации и обмена идеями, которые описываются двумя характерными тогдашними словосочетаниями: "дружеская компания" и "московские кухни". Конечно, не стоит гиперболизировать значение этих самых "кухонь" и изображать их царством свободы — свобода эта была весьма относительной. Разумеется, наполовину тайный характер речей, которые велись "на кухнях", искажал их суть, лишал их общественного статуса и способствовал появлению на свет рискованных построений и поразительных идеологических поделок (это стало очевидным во время "перестройки", когда этноисторические "теории" Л.Гумилева или "новая хронология" А.Фоменко получили благодаря свободе слова широкую известность). Однако нельзя не отметить, что именно в этом "кухонном" пространстве, где порой возникали более институционализированные формы обмена мыслями (такие, как неофициальные или полуофициальные семинары, выпуск публикаций ограниченным тиражом и пр.), шла выработка идей, все более и более далеких от официальной идеологии; именно здесь происходило если не научное исследование (невозможное в этой обстановке), то, во всяком случае, осмысление тем, впервые затронутых в дискуссиях 1960-х годов, причем люди 1970-х годов ставили вопросы гораздо острее своих предшественников¹. Как ни парадоксально это может прозвучать, но — и это вторая особенность данного периода, которую мне хотелось бы подчеркнуть, — именно окостенение

¹ Окончательное становление и размежевание двух течений, которые зародились в конце "оттепели" как ответ на тогдашние искания и ожидания: прозападного либерализма, видящего панацею от всех бед в подражании западным образцам, и националистического почвенничества, возводящего в образец мифическое русское прошлое, — совершалось преимущественно в этом пространстве, лишь отчасти отражаясь в подцензурной печати.

официальной идеологии, достигшее своего апогея в эту эпоху, способствовало "секуляризации", отъединению интеллигенции, которая, убедившись, что марксизм-ленинизм не дает и в принципе не может дать ответов на интересующие ее вопросы, обратилась к другим источникам. В зависимости от нравственных принципов интеллигентов и их степени интегрированности в советскую систему, одни для видимости продолжали исполнять обязательные ритуалы, другие пытались этого избежать или даже активно сопротивлялись советской системе (наиболее распространенной формой такого сопротивления было обращение к *тамиздату* и *самиздату*). Впрочем, подобное отъединение от советской идеологии и способность взглянуть на нее со стороны отличали отнюдь не только интеллигенцию; достаточно вспомнить, во что превратилась фигура Ленина в многочисленных анекдотах, ходивших в обществе в год празднования 100-летия "вождя".

Ослабление контроля за тем, что говорится в частном быту, способствовало распространению, прежде всего в вышеупомянутых дружеских компаниях, запрещенных идей и даже текстов, которое достигло в рассматриваемую эпоху небывалого размаха. Для 1970-х годов характерна повышенная степень капиллярности общества, приводящая к тому, что идеи и образы циркулируют по самым разным слоям общества и проникают повсюду — от диссидентских компаний до официальных органов власти. Как иначе объяснить тот факт, что однажды все общество внезапно осознало, что законной может быть только власть, избранная в ходе всеобщего голосования, хотя мысль эта, как мы знаем, глубоко чужда марксистско-ленинской идеологии? Как объяснить легкость, с которой широчайшие слои общества поверили в тезис о процветании России до 1917 г.? Вера в этот тезис, насаждавшаяся при активном участии писателей и кинематографистов, представляет собой одно из проявлений всеобщего пассаизма, которым, как выяснилось после падения советской власти, интеллигенция заразила самые широкие слои населения, включая часть элиты. Еще одна характерная особенность 1970-х годов — появление того, что историк М.Ферро назвал "нишами". Имеется в виду, что в брежневские времена власти смотрели сквозь пальцы на такие организации или коллективы, в рамках которых могло существовать, впрочем, в весьма ограниченной форме, инакомыслие. Я не стал бы утверждать (хотя в исторической литературе такое утверждение встречается), что эти ниши, в которых укрывались интеллигенты, представляли собой зародыши гражданского общества, ибо основного

свойства, отличающего гражданское общество, — публичности, они были лишены. Тем не менее в этих нишах отдельные люди и группы людей обретали хотя бы минимальную независимость, развивали собственные системы ценностей, собственные нормы, параллельные государственным или им противоречившие. Не случайно именно в 1970-е годы возникли субкультуры (рок-культура, "система" и пр.), которые получили такое широкое распространение, что некоторые их представители даже вышли из "подполья" в публичное пространство, завоевали хотя бы относительное официальное признание. Вспомним, например, В.Высоцкого. Таким образом, в этот период начали постепенно вырисовываться контуры системы многовластия: официальной власти, хотя она сохраняет все свои полномочия и рычаги управления, приходится сосуществовать с властью интеллигенции¹, с властью денег (впрочем, эта последняя, разумеется, остается совершенно незаконной) и пр.

Параллельно с освоением частного пространства происходит бегство из пространства общественного, где не слышно ничего, кроме официальных речей, и не видно ничего, кроме официальных транспарантов; это бегство становится предметом спора между "шестидесятниками" и "семидесятниками". Последние ставят в упрек первым их участие в общественной жизни, которое считают следствием покорности режиму и, что гораздо хуже, формой пособничества властям. Сами они избирают и воспевают крайние формы эскапизма: уход в "котельные"², нередко сопровождавшийся тяжелым алкоголизмом. Это нежелание иметь что-либо общее с общественной жизнью, с политикой оказало впоследствии существенное влияние на форму крушения советского режима; режим этот развалился не по причине оказанного ему активного сопротивления, как это произошло, например, в Польше, а потому что его институты обветшали и полностью утратили какое бы то ни было содержание. Вместе с тем именно этой традицией дистанцирования от общественной жизни можно объяснить тот факт,

¹ По-видимому, именно благодаря этой относительной "независимости" интеллигенция оказалась готовой к новым временам лучше других: именно представители этого слоя общества с наибольшей легкостью находили себе места в таких сферах, как политика или бизнес.

² Забавно читать сегодня интервью знаменитого тележурналиста, который после закрытия канала, на котором он работал, прибегает к образу "котельной", чтобы подчеркнуть свою чуждость нынешней власти: "Кочегаром меня взяли потому, что меня все знают: Владимир Кара-Мурза нашел новую работу" (Газета. 11 июля 2003. С. 3). Осталось выяснить, насколько этот образ понятен новому поколению.

что после недолгого периода политизации общества, пришедшегося на годы перестройки, население бывшего Советского Союза так быстро утратило интерес к политическим баталиям в масштабах всей страны и возвратилось к привычным формам существования.

В 1970-е годы советское и особенно русское население переживает глубочайшие трансформации¹, одной из которых как раз и становится замыкание в частной жизни, о котором люди мечтали уже давно и на которое наконец получили молчаливое дозволение от властей. Трансформации эти оказались очень быстрыми и очень значительными. Если применительно к политической сфере термин "застой" употребляется вполне обоснованно, поскольку под ним подразумевается неспособность властей на осуществление реформ, то применительно к жизни общества говорить о "застое" было бы совершенно несправедливо.

Некоторые изменения вполне явственны и поддаются количественному выражению. Прежде всего именно в 1970-е годы Россия становится урбанизированным обществом, где две трети населения проживают в городах. Цифры, показывающие, как шел процесс урбанизации, таковы: в 1959 г. доля городского населения России составляла 52%, в 1966 г. - 59, в 1970 г. - 62, в 1979 г. - 69, в 1986 г. - 74%².

Быть может, еще более важен тот факт, что все большая часть населения перебирается из маленьких городков, где люди ведут скорее деревенский, чем городской образ жизни, в города очень крупные. Если в 1959 г. 40% населения проживали в городах с населением меньше 50 тыс. жителей, а в городах с населением больше 1 млн жили лишь 9%, то в 1987 г. соответствующие цифры составляют уже 30 и 22%³. Больше того, в городе становится все меньше людей, недавно переселившихся из деревни, тогда как растет число горожан во втором и даже третьем поколениях. Короче говоря, население городов увеличивается. Растет и уровень образования (хотя о его качестве можно спорить). В отличие от предшествующих десятилетий почти все, кто стоит у власти, имеют теперь высшее образование.

¹ Книга М.Левина, посвященная переменам в жизни советского общества (в сфере урбанизации, образования, общественного мнения и пр.) вполне обоснованно получила во французском переводе название "Великая трансформация советского общества" (*Lewin M. La grande mutation soviétique*. P.: Editions de La Découverte, 1989).

² Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1987.

³ Население СССР, 1987. М., 1988.

В 1960-е годы советское общество полностью решает проблему физиологического выживания¹ (не следует забывать, что последний массовый голод страна пережила в 1946 г.) и превращается если не в общество потребления, то во всяком случае в такое общество, которое стремится потреблять. Массовое строительство жилья и переселение в отдельные квартиры в 1950–1960-е годы способствуют появлению у людей желания обставлять свои жилища, украшать их, следовать моде. Люди обзаводятся бытовой техникой.

НАЛИЧИЕ ТЕХНИКИ В СЕМЬЯХ ГОРОЖАН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (в % от числа семей)

Вид техники	1970 г.	1980 г.	1986 г.
Радиоприемники	78	90	100
Телевизоры	61	91	102
Холодильники	43	99	101
Пылесосы	16	37	50
Автомобили	—	11	15

Источник: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1987.

Люди в СССР хотят одеваться не только для того, чтобы защитить себя от холода, но и для того, чтобы выглядеть по моде и, главное, чтобы повысить свой социальный статус, продемонстрировав способность доставать "дефицитные" западные вещи. Если в тот период, когда общество находилось в состоянии мобилизации, призывы сегодня ту же затягивать пояса во имя лучезарного завтра еще находили некоторый отклик среди населения, то в 1970-е годы всерьез их уже никто не воспринимает. Сколько бы власти ни обличали "вещизм" обывателей, те не обращали на эти обличения никакого внимания и в первую очередь интересовались способами обеспечить себе и своим детям (именно своим детям, а не грядущим поколениям) благосостояние, сделавшееся наконец достижимым. Поэтому люди начинают меньше, чем когда-либо, думать о работе на благо государства и о его процветании, и стремятся прежде всего взять у государства — законными, а если это невозможно, то и незаконными способами — то, чем оно их обеспечить не может, хотя и должно. Отсюда та смесь патерналистских ожиданий (т.е. ожиданий помощи со

¹ В 1975 г., по данным Госкомстата РФ, семьи рабочих и служащих в России тратили 36% своих доходов на питание (не считая алкоголя), 28% — на предметы потребления, а 10% — на сферу обслуживания (Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975-1988 гг. М., 1990. С. 50).

стороны всесильного "отца") и враждебности к власти, ограбившей народ, которая делается столь очевидной после падения советского режима. Национальная солидарность, коллективный поиск выхода из создавшегося нелегкого положения — все эти громкие слова из официальных речей никем не принимаются всерьез; никакого реального смысла за ними никто не усматривает. Иначе говоря, разрыв между реальными чаяниями общества и теми, которые пытается (а точнее, делает вид, что пытается) ему навязать официальная идеология, становится с каждым годом все больше. Причем, и это обстоятельство представляется мне особенно важным, изменения эти касаются не только рядовых жителей страны, но в той же, если не в большей, степени и самой "элиты" — отсюда легкость, с какой наиболее динамичная ее часть приспособилась к новой, постсоветской реальности. Все русские стремятся к такой нормальной жизни, какую государство им создать не способно.

До тех пор пока власти обеспечивали пусть медленный, но безостановочный рост уровня жизни, предоставляли людям возможности продвижения вверх по социальной лестнице (чему способствовали индустриализация и урбанизация) и умело навязывали населению собственную идеологию, при этом изолируя его от внешних воздействий, режим оставался незыблемым. Когда же замедление экономического роста и увеличение расходов на вооружение начинает препятствовать улучшению уровня жизни, когда

население, прежде всего в лице элиты, открывает для себя так называемый западный образ жизни и проникается желанием жить не только лучше, чем прежде, но и не хуже, чем на Западе, а возможности для вертикальной мобильности оказываются практически исчерпаны, тогда население перестает соблюдать негласный общественный договор с властями. Примерно в то же самое время официальная идеология окончательно теряет какой бы то ни было авторитет; клятвы в верности ей становятся чисто ритуальными и даже обращение к националистическим лозунгам не помогает властям возратить доверие населения, которое воспринимает свое положение тем более негативно, что больше не может оправдывать его какими-либо высшими соображениями.

В ходе опроса, проведенного в начале 1980-х годов Институтом социологии АН СССР, опрашиваемым был задан вопрос о том, считают ли они необходимыми радикальные перемены в устройстве общества. Большинство отвечали, что перемены безусловно необходимы, но среди стоящих у власти нет человека, способного их осуществить¹. 1970-е годы закончились в тот момент, когда М.Горбачев счел таким человеком себя.

¹ Институт социологии АН СССР. Ленинградский филиал. "Ожидали ли перемен? (из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов". М., 1991. Кн. 1-2).

Индекс отношений к США

(построен как разница между положительными и отрицательными оценками респондентов; "Экспресс", N=1600 человек)

